

Елена
ЗАХАРОВА

длгое
ЭХО короткой
ЖИЗНИ

Елена Захарова

Долгое эхо короткой жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69252601

SelfPub; 2023

Аннотация

Открыть книгу нужно хотя бы из любопытства. Герой истории отличался от большинства мужчин складом мышления и характером. Он по-особому выстраивал отношения с жизнью и в результате получал признание, восхищение, любовь. Причина тому – светлый талант, щедрое сердце и любимые занятия. Почувствовать градус одаренности и самобытности этого человека помогут включенные в повествование его рисунки, яркие цитаты из его дневников и газетных публикаций.

Елена Захарова

Долгое эхо короткой жизни

Внучке Сонечке

Провидение берет подчас слишком высокую цену за талант – жизнь. Так случилось с Евгением Захаровым. Всего 50 вёсен прожил он, удивляя окружающих дарованиями, щедростью сердца, скромностью. Оставил рисунки, поэтические пробы, оригинальную прозу, самобытные журналистские работы, рукописные книги, нешаблонные фотографии, тонкие, удивительные письма к друзьям, аккуратные записи сотен сыгранных шахматных партий, дневники – целый мир.

Его профессией, делом жизни стала журналистика. Евгения Захарова, работавшего на крупнейшем в регионе Брянском машиностроительном заводе, пригласили в заводскую многотиражку на должность корреспондента. Уж очень понравились опытному редактору Валентину Федоровичу Петрунину стихи молодого парня, за которыми угадывался человек, отлично владеющий словом.

А ведь карьера уже выстраивалась иная. В составе творческой группы художника Е. Мирошенкова Евгений участвовал в изготовлении мемориала «Слава рабочему классу», установленного на территории предприятия в год столетия завода. По его эскизам сделали значки к юбилейной дате. Но

маячком засветилась надежда заняться литературным трудом – и Захаров, хоть и высказал сомнение в своих возможностях, согласился работать в редакции.

«Теперь весь я там, в черных газетных строчках», – записал он в дневнике.

Работа была своеобразной. На огромном предприятии – коллектив более 25 тысяч человек – жизнь кипела, как вода в чайнике. Выпускались маневровые тепловозы, грузовые вагоны, рефрижераторные секции, судовые двигатели. Передовики ставили трудовые рекорды. Лучших специалистов награждали орденами. Клеймили позором прогульщиков и бракоделов.

Активисты комсомольских ячеек, действовавших в каждом цехе, проводили рейды по выявлению нарушителей дисциплины. Профсоюзы устраивали смотры художественной самодеятельности. И весь этот калейдоскоп необходимо было представить на полосах газеты, издававшейся, кстати, тиражом в 5000 экземпляров. Журналист многотиражки обязан был стать многостаночником, освоить все жанры, писать и очерки, и критические заметки, и интервью, и лирические репортажи.

Евгений Захаров справлялся с каждым редакционным заданием. Некоторые свои материалы он сам же иллюстрировал. Сделал заставки для «Литературного клуба» – творческой странички многотиражки, получившей регулярную «прописку» в газете лишь потому, что Женя Захаров и Вик-

тор Кирюшин (ныне член правления Союза писателей России, лауреат премии Ленинского комсомола, поэт) писали сами и вдохновляли на литературный поиск способных заводчан.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ

Рассказывать об одаренном человеке надо беспристрастно. Но вряд ли среди тех, кто хотя бы однажды встречался с Евгением, найдется тот, кто не составил личного и лестного мнения о Захарове. Слишком глубоко открывалось его сердце навстречу людям, хотя был он скорее замкнутым, чем интровертом, неразговорчивым, чем говоруном.

Юрий ОВСЯННИКОВ, коллега по работе в заводской газете:

Познакомился я с Евгением в конце 70-х годов прошлого (!) века. Я тогда работал в комитете комсомола и был в хороших отношениях с коллективом редакции. Иногда писал в газету.

Первое впечатление о Захарове: тихий, спокойный. Но оно рассеялось, когда узнал Женю поближе. Даже казавшиеся в начале знакомства малоценными черты характера заиграли новыми красками. Он писал на разные, порой далекие друг от друга темы. И то, как раскрывал их, говорило об эрудиции и умении видеть вроде бы скрытые, но очень значимые явления.

Я не стесняюсь признаться, что, например, вникать в невидимую суть вещей учился именно у него, когда перешел работать из комитета комсомола в заводскую многотиражку.

Регулярно отправляли нас с Женей на товарную базу в другой район города за газетной бумагой. Дорога была неблизкой. Выезжали на заводском грузовике в начале рабочего дня.

Бюрократические процедуры оформления, получения, погрузки отнимали время до полудня, а иногда и больше. Зато понервничав, на обратной дороге можно было говорить всласть обо всём – о работе, спортивных достижениях и провалах сборных страны и заводских команд, о природе.

Эта тема оказалась в приоритете. Женя с особой интонацией рассказывал о рыбной ловле, я расхваливал свою любимую «тихую охоту» – походы за грибами, ягодами.

После перехода Жени в «Брянскую газету» виделись мы редко. Однако встречались, когда я ехал из леса с грибами, а он с рыбалки с рыбой и сыном Никитой. Рассказывали друг другу, как провели время на природе и хвастались «трофеями».

Дать бы слово первым свидетелям восхождения Евгения на творческий Олимп. Да только кого спросить? Коллеги по многотиражке Валентин Федорович Петрунин, Валерий Иванович Кузьмичев, Виктор Костин, Анатолий Толкач, Мария Колоусова, а также многие ровесники, как и Женя, уже завершили земной путь.

Умер геолог Александр Кармазин. Благодаря ему появилась у неширокого круга близких друзей книжечка Жени «Рассказы, пойманные на рыболовный крючок». Нет и двоюродного брата Станислава Клокова, который был спутником Жени в рыбацких приключениях и пеших походах до Орла.

Ушла из жизни совсем молодой, едва ли сорокалетней, окончившая Академию художеств талантливая Светлана Калужина. Она вела с Женей смешную переписку от имени лучшего Коли и водяного Пети.

О Любе Вершининой тоже можно говорить только в прошедшем времени: была. А при жизни, делясь воспоминаниями об ушедшем друге, написала: *«Моменты, связанные с*

Женей, веселые и щемлящие одновременно, но неизменно светлые, теплые. Мы были тогда безоглядно романтические, беспричинно счастливые и немного ошалевшие от жизни просто по причине своей молодости и свободы!

Наша дружба с Женей Захаровым – это особенная, яркая, как вспышка солнца, часть прошлой счастливой жизни, очень трепетная, волнующая, искренняя. Может быть, потому, что мы были молоды, талантливы, искали достойного применения своим «немереным» силам, помогали друг другу даже издалека, утешали, понимали... Только сейчас, перечитывая его письма, я осознаю, какого замечательного друга подарила мне судьба».

Обратимся к тем, кто оказался рядом с Евгением на следующей ступеньке жизненной лестницы, в редакции «Брянской газеты» («БГ»), популярнейшем и влиятельном областном издании перестроечных лет.

Александр ТАИРОВ, главный редактор «БГ»:

– Женя был первым из сотрудников газеты «Машиностроитель», кому я предложил пойти со мной в «Брянскую газету». Думал он недолго, всего пару часов. Подошёл и выдал «приговор»: «У тебя получается всё, что ты задумываешь. Я пойду с тобой». Для меня это до сих пор остаётся самой высокой оценкой моей деятельности, поскольку она прозвучала из уст гения.

Евгений Захаров был идеальным работником для любого работодателя. Во-первых, он был чрезвычайно талант-

лив. Во-вторых, он был очень ответственным. А в-третьих, его совершенно не интересовала материальная сторона дела. Если работа ему интересна – он её сделает, не интересна – не будет делать ни за какие коврижки.

Материалы, которые он приносил, не требовали никакой правки – все буквы и знаки препинания были на своём месте. И всё это на фоне огромной личной скромности. Я не могу представить его врывающимся в кабинет главного редактора со словами: «Смотрите, что я написал!». Хотя он мог легко удивить своим текстом. Как это было, например, с его рубрикой «Семь дней одного года».

Эта рубрика была одновременно его лавровым и терновым венцом. Она принесла ему необычайную популярность среди читателей (известен случай, когда в редакцию приехал заместитель начальника областного управления печати со словами: «Покажите мне Евгарова»). Именно таким псевдонимом Женя подписывал свои материалы).

Вместе с тем я замечал, что его тяготила необходимость писать эти ироничные обзоры событий за неделю. Более того, в самом начале проекта, когда я только предложил Жене заняться этой рубрикой, он от неё категорически отказывался. Сослался даже на пункт трудового договора, в котором было указано, что «журналист вправе отказаться от подготовки материала, если это противоречит его моральным принципам». Лишь мой вопрос: «Каким именно принципам?» заставил его признать, что аргумен-

тов «против» у него нет.

Как бы поступил нерадивый сотрудник, если бы ему поручили подготовить материал, которым ему не хочется заниматься? Он бы сделал материал такого качества, чтобы к нему большие с подобными предложениями не приставали.

А как поступил талантливый и ответственный журналист, каковым и был Евгений Захаров? Он стал искать такие формы изложения материала, которые были бы ему самому интересны. В частности, попробуйте рассказать о событиях за неделю в рифму. А Женя пробовал. Более того, у него это замечательно получалось.

Хочу обратить внимание: в «БГ» эта рубрика появилась за 20 лет до имевшей огромную популярность аналогичной программы «Прожекторперисхилтон» на телевидении. И на Брянщине обзоры Евгения Захарова пользовались огромной популярностью. И если Женя уходил в отпуск и «Семь дней...» появлялись за подписью другого автора, то люди звонили в редакцию и спрашивали, что случилось с Евгаровым?

Женя был скромным, но он не был застенчивым. Он мог быть смелым, напористым, настойчивым и даже рискованным, если это требовалось для подготовки материала. Его природная скромность не мешала ему писать острые критические материалы.

Например, о том, как начальник областного управления КГБ за государственный счёт отремонтировал свою квар-

тиру. Или о том, как с охраняемой автостоянки крупного торгового центра угнали автомобиль престижной марки и никто не понёс за это никакой ответственности. Или о том, как известный в городе предприниматель безнаказанно не платил налоги. Дело доходило до судебных разбирательств, но тщательность подготовки материалов не оставляла истцам никаких шансов.

А какой смелостью должен был обладать человек, который для журналистского эксперимента просидел пару часов на остановке общественного транспорта под объявлением «Их разыскивает милиция» с собственным изображением на нём?

Незаурядная смелость нужна была и для того, чтобы на фоне всеобщего восхищения А.И. Солженицыным опубликовать интервью с человеком, который, будучи в юности другом известного писателя, заявил, что на самом деле тот был обычным стукачом.

Я проработал вместе с Е. Захаровым в общей сложности около 15 лет. Никакому другому редактору это не удалось. И вот я думаю, а кем бы был Женя сегодня? Блогером? Пиарщиком? Художником? Писателем? И прихожу к выводу, что Евгений Захаров и в наше время оставался бы скромным гением.

Елена Федорова, бывшая коллега по «Брянской газете»: Женя, наверное, один из самых искренних людей, которых мне подарила жизнь. Все знали, что он был звездой. Я очень

жалею, что никто из видевших в нем огромный потенциал, не взял за шкуру этого скромного человека. Я сказала «не взял за шкуру», потому что нужно было надавить, уговорить, опубликовать то, что он делал.

В Новосибирске есть артстудия «Крылья». Здесь учат детей и взрослых рисованию, лепке, технике декорирования, быстрого рисунка, моделированию. Работы студийцев отмечались на московском международном конкурсе «Мода чудес» (Гран-при), Международном фестивале керамики, конкурсе юных дизайнеров одежды «Золотая нить» в Санкт-Петербурге и прочих смотрах.

Многие студийцы стали профессионалами – художниками, модельерами, керамистами. Художественную студию организовала и много лет возглавляет наша землячка Нина Квасова. Она не только назвала студию столь поэтично, опираясь на мысль, что творчество окрыляет, но и пишет замечательные стихи. Нешаблонно ведет свою страничку ВКонтакте. Недавно выпустила книгу с рисунками студийцев.

С Евгением эту творческую натуру и её семью связывали долгие годы редкой по своей искренности дружбы. Квасовы, навещая Брянск, встречались и с нашей семьёй, и с некоторыми коллегами Жени по «Брянской газете», активно переписывались, обменивались творческими замыслами. Именно Квасовым отправил Евгений свое уникальное творение – написанную от руки и проиллюстрированную миниатюрами

Нина КВАСОВА

Мы с Женей познакомились неожиданным способом – стоит про это рассказать. Мой бывший одноклассник 31 мая 1972 года попросил Жениного бывшего одноклассника, с которым дружил, позвонить мне по какому-то совершенно прозаическому делу.

Звонил он из квартиры Жени и оставил спичечный коробок, на котором был записан мой номер, рядом с телефоном. Надеюсь, понятно, что телефон в то время был стационарным и стоял на своем месте, не прыгая по разным

столам.

Вечером отключили свет, было темно и скучно, и Женя позвонил по этому «спичечному» номеру. К телефону подошла тоже сидевшая в темноте и скучающая я и услышала такую фразу: «Здравствуйте! Вы знаете, какой сегодня праздник?»

Я ответила; «Да. Сегодня день рождения Константина Паустовского». Благодаря нашей взаимной любви к Паустовскому я точно знаю день, когда мы познакомились.

Так мы разговаривали почти год. О литературе. Поэзии. О жизни. О том, что было на душе. О неразделенной любви, которая неизбежно посещала каждого из нас. Мы стали друзьями, пока наконец-то договорились встретиться. Встретились, посмеялись от несовпадения образов, которые привиделись при заочном общении, и стали разговаривать так же непринужденно, как и прежде по телефону.

Передо мной постепенно открывался глубочайший интеллект и множество Жениных талантов. Его быстрые реакции на любые события, умение мгновенно и с юмором их оценить и «переплавить» в точные слова восхищали. Хотелось уметь хотя бы чуточку так же. А как фантастически быстро он успевал освоить новый иностранный язык!

У Жени была потрясающая способность любого – я настаиваю: любого! – человека приподнять над ним же самим. Осторожно и уважительно переставить его на несколько ступенек выше, чем он привык. Незаметно показать луч-

шее, что было в этом человеке, адресуюсь к этому лучшему, проявляя его... Неважно, дворник это был, рыбак, случайный попутчик в электричке – Женя часто ездил в электричках – обо всех он рассказывал с уважением и даже какой-то нежностью, которую я всегда пыталась понять и разгадать.

Теперь я понимаю, что он просто любил людей, принимал их целиком, видел в них лучшее и никогда не осуждал... Больше за свою уже долгую жизнь я не встретила ни одного знакомого с такой способностью.

У него была истинно христианская душа, просто он никогда это не провозглашал. Ему вообще не свойственна декларативность... Цветаева говорила, что любить человека – это значит видеть его таким, как создал его Бог. Женя будто вынимал лучшее в человеке из куска невзрачной породы, как создавал прекрасную скульптуру, отсекая лишнее.

Знаю, что моя любовь к текстам, стихам, рисованию родом из дружбы с Женей. Он приносил мне первые «отрешенные» стихи Гумилева, «Детей Арбата» Рыбакова... Друзей у него было множество, всем он хотел принести эту тогдашнюю радость открытия скрытых до тех времен прекрасных произведений. Я читала их часто ночью, а он забирал книги рано-рано утром из почтового ящика и нес их перед работой кому-то еще из друзей.

Многих я если не знала лично, то слышала про них и любила их заочно. Когда появились у нас семьи, мы дружили

семьями так, будто были всегда близкими родственниками. Возможно, какие-то мои энергии и эмоции были Жене интересны, как были интересны ему все его друзья.

А моя душа, вся моя тянущаяся тогда к искусству натура точно напитывалась от его источника Добра и щедрого Таланта. Не буду даже пытаться представить, скольких людей он смог бы еще порадовать знакомством с ним и сколько прекрасного смог бы создать.

Не берусь описать, что такое Душа. Особенно, когда близкая мне Душа оставила этот мир, и я осиротела вместе с теми, кто его знал и ценил. Это сиротство безбрежно настолько, что в описании неизбежна приблизительность, как всегда, если описываем незримое и неуловимое. Женя будто всю свою жизнь давал нам всем спасательные круги, чтобы мы без него не утонули в своем сиротстве.

Нам с Александром, моим мужем, он часто присылал письма, которые можно бесконечно читать, удивляясь его открытиям, теплу, юмору и добру. Присылал он их по почте. Великое ей спасибо за счастье иметь бумажные, а не электронные письма! Рисунки сопровождали почти каждое письмо: то это стройная линия, на повороте будто влетающая в изысканный орнамент, то тщательный карандашный портрет маленького тогда ещё сына Никитки, то озорной шарж общего знакомого с точно очерченным профилем...

Женя писал и моей любимой подруге Любе в Томск, и она

тоже сохранила эти прекрасные послания. Любочка тоже покинула этот мир, к сожалению.

Когда мы с мужем и детьми приезжали в Брянск, гуляли, ходили в гости к семье Захаровых, то разговаривали и не могли наговориться уже все вместе.

Расскажу еще одну историю. Однажды, в начале уже этого века, приехав в отпуск уже из Новосибирска, я пришла в гости к подруге. Её мама, любимая мною тётя Дуся, беспокойно бегала к почтовому ящику каждые полчаса. Мне неловко было спросить, чего она так ждет? Наконец-то свершилось! Почтальон принес ... что бы вы думали? Газету!!! Это была газета с долгожданной статьёй на первой странице, подписанная псевдонимом Л. Евгаров.

Оказывается, и тётя Дуся, и все ее многочисленные подруги читали в этой газете только Женины статьи, они им давали почву для совместных обсуждений и размышлений! Это было истинное народное признание и любовь. И спасательный круг от Жени – всё, что им написано тогда. На долгую память всем.

Нина Квасова знала Женю со студенческих лет, была свидетельницей светлых и горьких событий, приносивших удачу и тревожных поисков, ярких и ненужных знакомств, счастливых и мучительных увлечений. Она вправе сказать то, что сказала: «Думаю, что Женины искры есть во всех, кого он встречал на пути, – от рыбаков до попутчиков в электричке. Удивительный Женя».

«Удивительный Женя», 20 лет назад знакомый и обожаемый тысячами подписчиков «Брянской газеты» как Л. Евгаров, – сын заслуженного художника России Леонида Александровича Захарова и учителя словесности Тамары Степановны Захаровой. В их доме и в семье творчество было естественным процессом, ставилось во главу угла, почиталось. Не мудрено, что сыновья унаследовали талант отца. Младший, Константин, стал профессиональным художником. А щедро одаренный Евгений не решился пробоваться в профессионалы.

Из дневников:

«Очень верно сказано: человека формирует среда. Если бы я родился в семье врача, то, наверное, стал бы хирургом. Но мой отец художник, и книги, которые я чаще всего листал, – это альбомы с репродукциями картин Коро, Курбе, Делакруа, Веласкеса, Шардена, Джорджоне, Тинторетто, Пикассо. К Матиссу холоден. Из иностранцев мне интересны Ван Гог, Мунк, импрессионисты. Сезанн, например, с его «Черными часами» и «Домом повешенного». А ещё ближе душе русские художники. Особенно Серов с его потрясающим вкусом, техникой и благородством. Живопись – это, пожалуй, единственное искусство, к которому у меня были способности».

В оценке своих дарований Женя ошибался. Ему многое было по силам. Скорее, он просто не знал, что выбрать. Ведь кроме живописи, притягивала литература: короткие рассказы, стихи, юморески рождались регулярно. А ещё влекли ис-

тория и философия. Здесь первыми в ряд кумиров встали древнегреческие хронисты. Занимали Евгения русские Николай Бердяев, Василий Розанов. Нашлось место в компании и философу древнего Китая Лао-цзы. Цитаты из его «Дао Дэ Цзин» заняли в дневнике 1976 года полторы страницы.

В 23 года, в возрасте беспечной молодости, Евгений собирал и серьезно обдумывал изречения мудрецов. А его читательский формуляр, каковым можно считать дневниковые страницы, удивляет широтой интеллектуальных интересов. Есть смысл перечислить хотя бы некоторые прочитанные книги и законспектированные (!) отрывки из них: Стендаль, братья Гонкур, Ж.-Ж. Руссо, Р. Роллан, Т. Манн, Э. Хемингуэй, греческая литература, А. Таиров «Записки режиссера, статьи, речи, письма», В. Вересаев «На Японской войне. Живая жизнь», Акутагава Рюноске «Мысли о литературе», А. Чехов «Письма», Л. Толстой «Дневники», М. Алпатов «Этюды по истории западноевропейского искусства», Г. Ибсен, Л. Фейхтвангер, И. Эренбург, Ю. Нагибин, В. Шкловский, А. Дейнека «Из моей рабочей практики», Д. Апдайк «Кентавр», И. Стоун «Моряк в седле», А. Гастев «Делакруа», Гете «Фауст», И. Бунин, А. Герцен «Былое и думы», Р. Альберти «Затерянная роща», З. Апресян «Свобода художественного творчества», «Декабристы. Проза, литературная критика».

Через годы книгочей, перечитавший множество сочинений и отмечавший, что в его личной библиотеке более двух тысяч томов, сделал, однако, неожиданный вывод:

Из дневников:

«Сотни хороших книг вполне достаточный багаж, чтобы набраться ума. Тут нельзя брать количеством. Лучше «разжевать» одно произведение, чем «проглотить» их сотни. Большой запас может стать тяжелой ношей, потому что не всякий способен сохранить светлые от природы мозги, упиваясь литературными творениями».

И все же чтение навсегда осталось необходимым, ежедневным уроком Евгения. С книгами не расставался. В сутках, активную часть которых он растягивал до двух-трех часов ночи, неизменно находилось время для книг. **«Вчера читал басни Крылова. Некоторые впервые и сделал вывод: Крылов – классик русской литературы. Правда, слог у него иногда темный, отдает ломоносовщиной и тредиаковщиной».**

Из дневников:

«А я-то не читал «Воспоминания Генри Адамса», которые, оказывается, были своего рода библией для миллионов американцев. Но если рассуждать холодно и прагматично: ну, не читал. Так что же из этого?»

Лежа дома с температурой 37, 8, записал в дневнике: **«Набрал с полки книг: Сенека, Ницше, Юрий Давыдов (автор исторических произведений. – Е. З.), А. Куприн и сборничек стихов эквадорского поэта Хорхе Каррера Андраде «Инвентарь мира».**

Не правда ли, с таким багажом можно было без боязни идти к вершинам журналистики. И Евгений Захаров начал свой путь.

С первых шагов он был ярким. Уже на редакционных летучках многотиражки звучали искренние похвалы коллег. Читатели-рабочие выражали благодарности и по телефону, и письменно. Ведь в те годы обратная связь была не иллюзорной. Отклики действительно приходили в газеты, в том числе заводские, в больших количествах. Женя не скрывал, что ему греют душу похвалы. Но не почивал на лаврах.

Из дневников:

«Отдал Мирошенкову почитать свои «вотчерки». Мне интересно его мнение... Забрал вырезки – статьи заметки, очерки, которые я давал ему «на рецензию». Одни похвалы, замечаний не было. Не обольщаюсь: вижу больше него».

«В последнее время пишу о том, что приносит мне удовлетворение. Я ловлю себя на том, что мне по душе становятся конфликты. В них определяется позиция сторон. Бесконфликтность – это не благополучие, это равнодушие и всепрощение».

«Попал на репетицию народного театра Дворца культуры. Кулисы открыли мне детство. Я даже вспомнил запах театра. Самодеятельные артисты «прогоняли» «Годы странствий» Алексея Арбузова.

Не очень умело, но лучше все же, чем я ожидал. Захотелось написать с душой о театре и режиссере в свою страницу «Собеседник». А во-вторых, сделать пьесу из прозы Виталия Коротича. Публицистично, с задором, вызовом – по-современному».

«В газетных материалах, как и в жизни, труднее всего дается мужественная и честная простота».

Он не стремился в «большие» газеты, хотя иногда отсылал материалы в «Литературную газету», в «Комсомольскую правду». В годы перестройки стал автором «Центральной России». Штатно же работал в «Брянской газете».

Она-то и стала главной пристанью творчества. Перестроечные годы перевернули представление о традиционных канонах советской журналистики. В 1993 году Женя писал:

Из дневников:

«За последний год изменился тон газетных публикаций: прибавилось злости, нервозности, истеричности. Меньше рассудочности, объективности. Групповые, партийные, идеологические интересы вместо поиска истины».

На страницах газет, в том числе «БГ», появились броские заголовки, неожиданные рубрики, авторские страницы, интервью с не всегда доступными прежде функционерами – сотрудниками КГБ, секретарями райкомов-горкомов, работниками пенитенциарной системы.

У Евгения была в «БГ» авторская страница. До конца

жизни оставался единственным и бессменным обозревателем рубрики «Семь дней одного года». Чувствовал он себя комфортно и в роли рядового корреспондента. Но в какой-то момент его назначили редактором отдела.

Из дневников:

«Писать и редактировать – слишком разные вещи, поэтому требуется время, чтобы войти в новую работу. И будет ли она интересной – только это и заботит».

Женя любил работать дома. При строгой дисциплине в «БГ» Захарову, если руководство видело, с каким трудом из-за больного сердца и обезноживающего полиартрита идет он в редакцию, поднимается на этаж к наборщикам или в корректорскую, позволялось перейти на домашний режим.

Из дневников:

«Работал дома, что всегда удивляет В.П., который привык к заводской пропускной системе и труду по гудку. Вероятно, я кажусь ему лодырем и прогульщиком. Мне остается утешать себя словами Хемингуэя. Он говорил: «Этика работы журналиста предполагает, что никто не должен видеть его за работой».

Отчасти и по этой причине, но главным образом потому, что для творчества требовалось уединение, тишина, возможность найти в гималаях домашней библиотеки нужную книгу, Женя работал в ночные часы.

Член Союза журналистов Евгений Леонидович Захаров

стал и был популярен как Леонид Евгаров. Псевдоним родился прежде всего потому, что Женя хотел поначалу дистанцироваться от «Семи дней одного года». И мы стали искать литературную маску. Из первого слога имени и последнего фамилии получился Евгаров.

Нельзя было и предположить, что этот псевдоним обретёт лицо, станет как бы реальным человеком, обеспечит автору невероятную популярность. По воспоминаниям коллег, в «БГ» приходили посмотреть на Евгарова. Проработавший несколько месяцев в редакции Р., представляясь в организациях Евгаровым, занимал деньги. Звонившие в «БГ» недоверчиво спрашивали: «Это вы Евгаров?» Женя рассказывал, что в один из таких моментов маститый журналист Александр Брон констатировал: «Это слава!».

Слава славой, но в «Семи днях...» было то, что делало рубрику бесспорным фаворитом публикаций: стиль, изысканность, ирония. Знакомые людям факты подавались в таком «соусе», что не хотелось отрываться от газетного «блюда».

Каждую неделю необходимо было отобрать значимые факты, найти принцип их обобщения, подачи, не сбиться с избранного стиля, сохранить объективность, сделать броский заголовок. Л. Евгарову все это удавалось, и читатели не зря ждали обзоров и наслаждались трактовкой в общем-то уже знакомых по новостям сообщений.

Цитирование может показаться чересчур объемным, но

хочется на реальных примерах показать уникальность штучного журналистского творчества. Вот фрагменты из разных материалов рубрики.

«Хоть не видеть мне наград, но я сделаю доклад. Ну а ежели что ляпну – спишем все на мой азарт. У меня полно вестей от изданий всех мастей. Льются новости потоком из краев и областей.

Загляну и за бугор. Как там, скажем, Альбер Гор, уж не хлещет ли от горя виски, бренди и кагор? Он ведь Бушу проиграл и работу потерял. А без должности политик как без войска генерал. От моральных тяжких ран многих тянет в ресторан. Только Гор не из таковских – он составил верный план. Дал зарок: «Не буду пить и баклуши дома бить, а возьмусь-ка я студентов журналистике учить. Что касается ума, равных мне почти нема. И статьи писал когда-то побойчее, чем Дюма».

«Мы с вами расстались две недели назад, в тот интригующий момент, когда человечество в нетерпении маялось перед дверью, на которой красовалась табличка с магическим числом – 2000».

«Не портной, а всю жизнь с иголками ходит. Долгое время считалось, что это ёж. Однако новейшие исследования позволили найти правильный ответ на эту загадку. Оказывается, речь идет о наркомане. Данный пример показывает, сколь своевременно звучат в на-

ши дни лучшие образцы народного творчества, будь то загадки, былины или песни. Это относится и к ча-
стушкам».

«Яхонтовые мои, позолотите мне ручку, и я расска-
жу, что вас ждет, кому выпадет дальняя дорога в ка-
зенный дом и чем сердце ваше успокоится. У нас, обо-
зревателей, это называется дать прогноз на основе
объективных предпосылок».

«Какая жизнь, такое и кино. Суббота, 26 августа:
по НТВ показывали фильм «Шизофрения», по ТНТ –
«Паранойя». Очевидно, следующими творениями ре-
жиссеров станут мелодрама «Анкилозирующий спон-
дилоартрит», боевик «Реноваскулярная гипертензия»
и легкая музыкальная комедия «Растяжение связок».
А пока, в ожидании этих шедевров, я расскажу, какие
картины и телепрограммы могли быть созданы на ос-
нове событий, происшедших на минувшей неделе».

«Не пристало ли нам, братья, начать старыми сло-
вами короткую повесть, обзором событий наречен-
ную? Как пчела, припадая к разным цветам, собирает
мёд, так и я по многим газетам и телеканалам собирал
новости и теперь поведаю, что на белом свете творит-
ся.

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве,
а ежели совсем точно, то в штаб-избе ООН, собра-
лись наимудрейшие господа. Стали они совет дер-

жать: как человечеству пособить. Все в мире шло вкривь и вкось.

Долго судили-рядили аксакалы ооновские, десять самоваров цейлонского чая выхлебали, а ничего толкового не удумали. И позвали тогда бравого Федота-стрельца, который в миротворческих силах служил, и дали ему наказ: побывать в разных странах и выведать, где какой передовой опыт имеется. Чтобы, значит, этот опыт изучить, обобщить и повсеместно внедрить.

– Ол райт! – гаркнул Федот. – Внедреж – дело хорошее.

Сел он в «Боинг» и полетел спецрейсом туда, не знаю куда».

«С чего начинается Родина? С картинки в журнале «Плейбой»? С газетной скупой информации про кражу, пожар и разбой? А может, она начинается с той песни, что пела «На-На», с того, что конца испытаниям не видит бедняжка-страна?»

«Писатель порадовал публику повестью «Приключения пехотинца». Произведение пользуется популярностью. Прозаик помышляет послать повесть президенту Путину: «Пусть почитает, позабавится».

В сочинении нижегородца Н. Культияпова 40 тысяч слов и все они начинаются на букву «п» (я, как видите, использовал для наглядности сей странный прин-

цип)».

А сколько великолепных ироничных предложений едва ли не в каждом абзаце евгаровских обзоров!

«Энергетики поют свой профессиональный гимн «Как разорительны в России вечера», а прочий люд хмурится и жалуется на веерные отключения».

«Американские ученые приняли повышенные капиталистические обязательства».

«Королевское бракосочетание отменено по требованию трудящихся».

«В тупик временно зашли и первые демократические выборы вождя племени на одном из островов Новой Зеландии, где народные кулинарные обычаи до сих пор допускают людоедство».

«Вся беда в том, что мы не можем замочить самогонщиков в сортире – сейчас там мочат боевиков».

«В администрации главы государства Буша теперь жалуются: «Понять, кто есть кто, сложнее, чем найти грамм героина в стогу сена».

«Оппозиция воткнула штыки в землю и не прокликает «антинародный режим».

«Большой светлый праздник отметила наша страна 12 июня, причем некоторые граждане даже знали, что это за праздник».

Притягивали читателей и заголовки: «Испанские жулики создали новое княжество», «В коммунисте пробудился ос-

новной инстинкт», «В созвездии Ориона обнаружен самогон», «Песнь о буреизвестнике и слоне» ...

Появлялись «Семь дней...» и в стихах, и в духе русских сказок, и с частушками.

А вот еще одна цитата:

«Кроме великого и могучего русского языка есть новорусский. Когда слышишь выражения «словил кайф», «всё ништяк», «долбанем крутую попсу», начинаешь понимать смысл фразы, звучащей в рекламном ролике: «Иногда лучше жевать, чем говорить». Но уже многие изъясняются на новорусском, и если так пойдет, то к нему прибегнут и телеведущие. Представим себе: 2005 год, в эфире программа «Время».

Здорово, тёлки и пацаны! Один крутой иностранец, президент Всемирного банка Джеймс Вулфенсон на прошлой неделе выразил типа обеспокоенность. По его словам, жизнь нынче не в кайф: миллиард человек, то есть шестая часть населения планеты, чисто конкретно бедствует, имея средний ежедневный доход меньше бакса.

Не наколка ли это? С таким вопросом мы обратились к известным экономистам.

«Ну Вулфенсон, блин, дает, – ответили грамотные братаны. – Судя по всему, он не врубился в ситуацию и не сказал главного: если гражданин не вялый лох, то у него все будет нормалёк. Надо только крутиться».

И в таком стиле написан весь обзор. Представьте, сколько времени потребовалось Евгению, не только писавшему, но и говорившему на литературном языке, собирать словесный мусор, строить фразы так, чтобы и о новостях рассказать, и от стиля не отступить. Возможно, после работы над этим обзором он записал в дневнике: **«Русский язык – роскошный пир, сквернословие – пищевые отходы».**

Популярность Л. Евгарова подтверждается неординарным событием. В день шестилетия «Брянской газеты» под заголовком «Нам шесть лет: полёт нормальный» редакция опубликовала коллаж «Л. Евгаров пишет «Семь дней одного года»». Основой для дизайнерского полотна послужила известная картина И. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

20 лет назад частная жизнь ещё не продавалась с таким азартом, как сейчас. И только записи в дневниках отличал особый градус искренности. По ним, если они попадали в чьи-либо руки, легко было составить портрет человека, узнать, чем он дышит, что любит, к чему испытывает неприязнь.

Насмешник Марк Твен (19 век) считал ведение дневника тяжелым и мучительным наказанием. Прозорливый Лев

Толстой (19-20 век) утверждал: дневник – «беседа с собой, с тем истинным, божественным собой, которое живет в каждом человеке». Мистик Стивен Кинг (20-21 век) убеждён: «... когда человек пишет, он начинает думать больше... или просто острее».

Женя с юности вёл дневники. Заметки делались не в хронологическом порядке, не строго по датам. События года не всегда отражались в одной тетради. Мысли, впечатления, мнения, порывы и работа души обнаруживаются среди рисунков, попадаются на листочках, на обороте переставших быть нужными документов.

В какой-то мере дневники были и рабочим материалом. Открываешь сегодня очередную тетрадь, а там сведения о самодержцах всея Руси, о дуэлях в России, подборка фактов о декабристе Никите Муравьеве и его предках, колонка слов из «Словаря древнерусского языка», из «Библейского словаря» Эрика Нюстрема и даже перечень более чем редких профессий с их кодами.

Где только отыскал Женя сведения о существовании артиста ритуальных услуг, лакировщика глобусов, оператора на решётке, расправщика, регулировщика хвостового хозяйства и других не менее поразительных работ?

Все это обязательно попало бы в «Семь дней...» или в хронику путешествий по рыбным местам. Или в ту единственную книжку, которую Женя намеревался написать:

Из дневников:

«Я напишу одну книгу за всю свою короткую жизнь. Смешную и серьёзную. О своем времени и людях. С цитатами из газет. С настроением: живут ради жизни. Книга, обращённая к умному сердцу».

Дневниковые записи Е. Захарова открывают его мир – светлый, огромный, сложный. Странички то окутывают негой счастья и поэтическими образами («Каждый день бежит куда-то через Брянск ветер». «Жду бабьего лета... с тихим шелестом опадающих сухих листьев, сморщенных желтых покойников»); то показывают курс творческого поиска («Сочинить бы повесть по стилю и сюжету что-то среднее между К. Паустовским и В. Набоковым. И что-нибудь сюрреалистическое»); то выплескивают горечь сердца («Неужели я больше никогда не смогу бегать? Как это странно. Всегда будет только хуже и никогда – как десять (хотя бы!) лет назад. Зрение ужасное, сердце очень слабое, суставы больные – это я?»)

Прочитаем ещё несколько дневниковых выписок.

«Что заметно: в русских сказках очень мало прилагательных. Это делает описание динамичным».

«У Геббельса нашел несколько неожиданных высказываний. Например, Геббельс часто говорил о том, что наступление американцев и англичан страшит его больше, чем продвижение на Запад большевиков. Со Сталиным, считал он, договориться легче, чем с гла-

вами США и Англии».

«Д. Лихачев прав: надо читать только те книги, которые заставляют думать, помогают осваивать стиль и дают знания. Хорошо бы все перечитать заново: Толстого, Достоевского, Чехова, Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, в общем, классику.

«Блок никогда не был моим. Мой – Маяковский. А. Блок красив и манерен. Это особенно заметно, когда он, как в поэме «Двенадцать», напускает на себя грубость. Маяковский сложнее, искреннее. Впрочем, всему свой срок. Сегодня «дружу» с Владимиром Владимировичем, а лет через 50, смотришь, увлекусь занудливым Диккенсом».

«На летучке один из коллег сказал: «Главное – собрать факты. А написать проще. Дайте мне факты, и я за час статью сделаю». Шустрый, однако. Это современная журналистика: наспех делают, неглубоко копают, ordinarily мыслят».

«Ни с того ни с сего взял синий томик Ленина и вдруг ощутил жалость к вождю. Как многим обделил он себя, став профессиональным революционером. Он шёл на это сознательно. Вероятно, считал, что иначе быть не должно: борец за счастье людей вынужден стать аскетом. Это его стезя. Его подвиг, его путь. Но мне действительно жаль, что Ленин об-

делил себя (литература, увлечения, рыбалка). А Ленину было бы жаль меня. Ему казалось бы, что я не понимаю важных вещей. Но разве не самое важное – это то, что жизнь – великий дар, всего лишь, по мысли В. Набокова, полоска света между двумя абсолютно черными плоскостями».

«НЭП вел к мелкобуржуазному производству, а значит, способствовал занятости. Позднее безработица вернулась. Если проводить аналогию с нынешней кооперацией, то не следует ли сказать об ожидающейся позже безработице?»

«Пикуль не рисовался, говоря, что его романы читают лишь потому, что у нас не знают истории. Он прав, даже если не желает быть в этом полностью правым. Он берет фактом, незамысловатостью, динамичностью. Ему интересно писать, поэтому его интересно читать».

«– А у нас 16-летние полками командовали во время Гражданской войны. – А у нас державой правили. Вспомните-ка царя Михаила Федоровича, первого монарха из Романовых. Ведь в 16 лет на престол взошел. И был у него под началом не полк, а разоренная страна без казны.

Кстати! И сынок Михаила Федоровича Алексей Михайлович тоже императорствовал с 16 лет. Вот ка-

кие были на Руси монархи (с императорством – это я загнул, императоров тогда не водилось в наших землях)».

«Очень удобная вещь книга. Лежишь на диване и одновременно вместе с Дарреллом ловишь зверей в лесах Камеруна. И еще неизвестно, какая из этих двух жизней воспринимается реальнее. Первую, настоящую, ты творишь сам. Во второй участвуешь как зритель».

Жаль, что дневники, отражающие случившееся и прочувствованное, перестают жить. Сегодняшняя действительность даже школьные дневники выводит из обихода. Ничего записывать не требуется. Касаешься экрана смартфона – и пожалуйста, все отметки, домашние задания буквально на ладони.

У взрослых тем более не возникает необходимость записывать ручкой в тетрадь, как прожил день, с кем спорил, что чувствовал. В минувшие века такая «забава» характеризовала образованного, мыслящего человека. В наши дни плотные ряды блогеров взяли на себя труд потешать публику перипетиями собственной жизни. Никакой приватности. А самое печальное, самовосхваление блогеров заслоняет неповторимые чувства по-настоящему талантливых людей.

Осенью и зимой за окном темно. Весной и летом сумерки бесшумно припадают к стеклу и долго не уходят. Сигарет-

ный дым бродит по комнате. Бормочет телевизор. Черный домашний кот Кузя греется под настольной лампой. Небыстро засеивается строчками белое поле листа. У Жени – время осмысления прожитого дня.

Высокопарно звучит? Возможно. Но происходило именно это. Делались записи в дневнике, выписки из полезных для журналистского умственного багажа книг. Теснились на страничках зарисовки – вдруг случайный штрих разбудит неожиданную мысль? Приём срабатывал не раз.

В эти невероятные часы придумывались для домашней библиотеки эскизы экслибрисов, рисованием которых он увлекся на недолгое время.

В очередной раз «инспектируя» полки нашей солидной домашней библиотеки, Женя вдруг решил, что необходим знак, подтверждающий принадлежность книг семье Захаровых. Появилось несколько вариантов. Они были оригинальны и использовались, например, в... потешной праздничной программе для гостей. Но долгую жизнь получили лишь два экслибриса, хранящихся в домашнем архиве. Правда, книги остались без меток...

1985

1984

le programme suivant :

Администрация квартиры № 34
приветствует друзей-гостей

и предлагает следующую программу:

Программа

31 декабря 1984 г. - 1 января 1985 г.

Меню

- 20 час. 15 мин. — прибытие в 311-ый квартал на аэродром Бурже специальным рейсом
- 20 час. 30 мин. — отъезд из Бурже и внешний осмотр квартала
- 20 час. 38 мин. — размещение в квартире 34; желающие отправляются в роду окрестного типа в райсе имзавода.
- 22 час. 00 мин. — пресс-конференция на тему "Что пьют торжественные люди в годовую ночь?" Знакомство с выставкой водочных и винных этикеток XX века.
- 23 час. 00 мин. — праздничный ужин.
- 23 час. 59 мин. — тошты и здравичи, чоканье.
- 24.00 — 8.00 — выпивок. В перебивах — матч по шахматам на первом этаже кухни, беседы, праздничная лотерея, просмотр телепередач.
- 8 час. 30 мин. — отъезд на аэродром Бурже (желающие могут остаться).

Всю ночь работает фотоаппарат слуги и Грэнзифото. Много не берет.

4. Суппировши.
2. Колбаса "Дорогая", домашняя
3. Мойва бовинская.
4. Салат "Самыйная смесь"
5. Салат "Трезвость" из вытветев комкатных вытветев.
6. Мясо по-захаровски из вытветивного мяса.
7. Кисель плодоягодный к помываным по старому году.
8. "Рассол "Советский" (три звездочки).
9. Вино марочное (с марками).
10. Водка по-демитревски "Е2-d4"
11. Пиво — сан.
12. Вода Адриковская (из крана через "Родничок")
13. Вода минеральная (из крана без "Родничка")
14. Торт "Бондарт" (или "Наполеон")
15. Торт "Пьяная вишня"

кандидатор *Евгений*
дав. производством *Евгений*

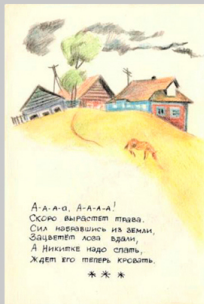
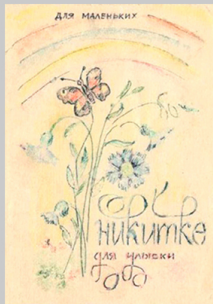
Делались на деревянных пластинках лики праведников для передачи базарному торговцу, который съездил за них в пору абсолютного перестроенного безденежья скудные «гонорары». Писались письма адресатам, появившимся у Жени после его отклика на публикацию в «Советской России» (1988 год) статьи преподавателя вуза Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами». Решались шахматные задачи. Словом, поднимался и переворачивался огромный пласт «внеклассной» работы.

Поздний вечер и начало ночи принадлежали Евгению. В

эти часы он, скорее всего, чувствовал прилив свежих сил, растраченных на суетные хлопоты дня. Жене было чуждо бесполезное времяпрепровождение, хотя он очень уставал из-за больного сердца. Но, может, нагрузка как раз отвлекала от недомогания, ставила заслон хандре, свойственной нездоровому человеку.

В нашей семейной жизни отсутствовал культ быта. Моей профессией тоже была журналистика, и Женя принимал сложившийся в доме уклад. Не привередничал, если перед праздником не поднимался в квартире дым коромыслом. Мог сам взяться за готовку. А уж мелкая рыбка, попадавшая на его удочку, становилась исключительно авторским блюдом.

Он умел и любил делать неожиданные подарки. Наш сын Никита в самом раннем детстве получил рисованную книжку.

Евгений оформил поэтический сборник «Что со мной?». Каждая буква в нём – рукописная, к каждому стихотворению сделан миниатюрный рисунок.

В редакции у него складывались особенно теплые отношения с женщинами. Молодых он баловал комплиментами, стихотворными прибаутками. Мог подарить цветы, ни с того ни с сего принести конфеты, мороженое, сопровождать дам в выходах на природу. Для женщин постарше он был участливым собеседником. С ним делились заботами, обсуждали домашние дела.

В день похорон Жени сотрудница «БГ» Наталья Тимченко сказала, что нет в редакции человека, у которого бы не осталось что-то, сделанное Женей: поздравительная открытка, подписанное оригинальным рукописным шрифтом удостоверение, фотография. Он фотографировал коллег, печата-

тал снимки и бескорыстно раздаривал. Причем некоторые портреты оформлял с обратной стороны в виде почтовых карточек.

Неизлечимо больного редактора заводской газеты, в которой Женя уже давно не работал, поддержал письмецом, но никому не похвастался. Сделал только запись в дневнике: **«Валерий Иванович очень плох. Написал ему записку. Написал, что стыдно зимнему рыболову болеть зимой. Общественность требует: выздоравливайте!»**

По переписке он играл в шахматы с Г. Позже оказалось, что Г. инвалид, и Женя стал наведываться к парню, лишенному возможности выйти из дома. Когда он умер, родители известили Женю, поблагодарив за доброту и внимание к сыну.

Может показаться, что в характере Жени не было места слабым звеньям. Отнюдь. Как всякий человек, он был импульсивен, его иногда переполняли токсичные эмоции. Было удивительным лишь то, что он их никогда не выплескивал. Предпочитал сдержаться, промолчать. Ответить нейтральной фразой. Не навязывать никому своё мнение.

Владимир КАРМАН, коллега по «БГ»:

– Этот рослый, мягкий и даже сдержанный в движениях, добродушный человек с первых же секунд располагал к себе собеседника. Его манера держаться, которая могла показаться проявлением стеснительности – он никогда не выходил на первый план, обычно отстраняясь от основного дей-

ствия или разговора – на самом деле была удобной нишей, в которой он чувствовал себя наиболее комфортно.

Я думаю потому, что суета его утомляла, а вот размеренный, неторопливый темп был для него естественным и удобным. Женю не привлекало лидерство или доминирование. Во всяком случае, он не делал ничего для того, чтобы утвердить себя в общественном мнении. Ни тщеславие, ни комплексы, приводящие к постоянной сверке данных самооценки и сторонней оценки, его не терзали.

Впрочем, может быть потому, что ум и талант позволяли ему без напряжения занимать одно из самых высоких положений в негласном рейтинге журналистского мастерства редакции.

Ему не было смысла бороться за то, что приходило к нему само. Писал он умело, остроумно, точно и, что интересно, в той же манере, которой держался в жизни – словно наблюдая за происходящим в своих статьях со стороны. Ремарки его – письменные и устные – были остроумны и уместны.

Что касается отношений в коллективе, то он был не просто уважаем товарищами, но, что бывает нечасто, любим ими. Ни у кого не возникало к нему типичного для творческих содружеств чувства ревности или зависти. Я не помню, чтобы на наших задиристых обзорах, во время которых доставалось всем, «невзирая на...», хотя бы раз в адрес его материалов прозвучала критика.

Сам же он, обладая прекрасным чувством языка и склонностью к логическому осмыслению происходящего, был к написанному товарищами нестрог. Во время обзоров, чтобы не подвести или не обидеть их, как я припоминаю, уклонялся от выявления неточностей и ляпов, выделяя, порой большие заслуженного, положительные стороны материалов.

Желание не обидеть, не задеть, не помешать было естественным проявлением его натуры. А ещё он был лириком и мечтателем. Однако об этих его склонностях я знаю только понаслышке.

В 2000-е годы, когда сердце подавало сигналы SOS почти непрерывно, Женя захотел уйти на более спокойную работу. Попробовал вернуться на завод – продержался месяц: скучно. Перешёл в муниципальную газету, где нагрузка была не столь великой, как в «БГ». Но он и здесь не смог раскрыть день в свою пользу, отсиживать положенные часы.

Взялся делать исторический клуб. Трансформировал свои бэгэшные «Семь дней...» в короткие, но столь же оригинальные обзоры областных новостей. Трудно оказалось принять лишь необходимость освещать деятельность депутатов. Официоз всегда его напрягал, отталкивал. Но он, наверное, смирился бы и справился, если бы не новые обстоятельства.

Строптивая «БГ» не очень устраивала власть. Зарабатываемых на рекламе средств на выпуск газеты, налоги, зарплату сотрудникам не хватало, и редакторат вынудили при-

нять иные условия: создать издательский дом «Наш город». В него вливалось и муниципальное СМИ. Таким, если угодно, магическим образом Евгений Захаров вернулся в перерожденную «Брянскую газету». А менее чем через год снова ушел. И это оказалась самая невозвратная дорога – из жизни.

Что может связывать рыбалку, историю, шахматы, фотографию? Человек. И этот человек – Евгений Захаров.

Есть женщины, побуждающие мужчин следовать за собой. И очарованные гордые рыцари пускаются в счастливые странствия. Женя не стал исключением. Однажды и он отправился за женщиной. Сокровища её полюбились сразу. А когда стало ясно, что по лабиринтам её владений можно бродить без конца, он отдал ей и сердце, и время. Это была История.

Захаров не просто увлекался прошлым. **«Я хотел бы работать летописцем»**, – сделал он однажды лаконичную запись. Было столько перечитано блестящих трудов: «История иудейских войн», С. Соловьев, Н. Костомаров, В. Ключевский, К. Валишевский... **«Читал Карлейля «Французскую революцию». Что за прелесть!»**.

Однако какой бы прелестью ни казалась чужая революция, своя история притягивала больше. В перестроечные годы, когда стали издавать прежде недоступные хроники, Евгений пристрастился к мемуарам деятелей последних лет императорской власти. На полках появились воспоминания С. Витте, В. Коковцова, П. Милюкова, В. Шульгина, С. Сазонова. Всё читалось с карандашом в руках. На полях делались пометки.

А проводником по истории Брянщины стали краеведы

Яков Соколов и Владимир Деханов. С Дехановым Женя оказался в одной редакции. Не знаю, было ли известно Владимиру Григорьевичу, что Захаров собирал вырезки его публикаций, но они не просто складывались в архив, а «работали». Евгений отталкивался от какого-либо малоизвестного факта, находил дополнительные сведения, откапывал статистические данные – и «толстела» папка с историческими документами.

Евгений считал, что рассказы о прошлом следует облекать в занимательную форму.

Из дневников:

«Почему не написать историю Брянска по аналогии с «Москва и москвичи» Гиляровского? Образность в соответствии с фактами заставляет усвоить факт ярче, чем при простой регистрации событий. Например: «Богатейший купец Копоров жил на Покровской горе. Окошки его дома были заставлены горшочками с геранью. Небольшое место было оставлено для клетки с канарейкой. Всяк проходящий недобро глядел на цветы, канарейку и темноту оконного проема: купца Копорова недолюбливали». Занимательность сюжета должна быть органической частью сюжета».

Однако до «калькирования» Гиляровского дело не дошло. Увлекла история улиц Брянска. Женя «прошёл» не по Абрикосовой и Виноградной, как в песне, а по Елецкой, по брянской Красной площади, по Бухгалтерской дорожке, которую

после революции назвали улицей III Интернационала.

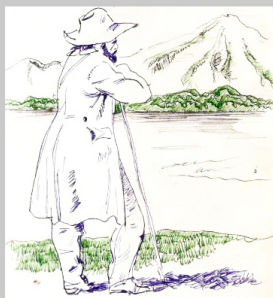
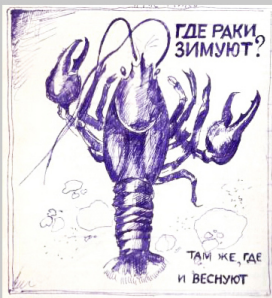
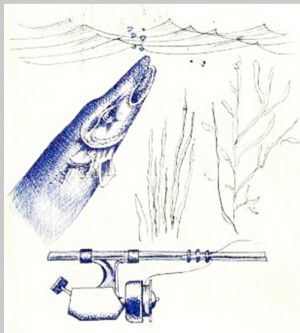
Экскурсия получилась столь увлекательной, что даже в некрологе коллеги отметили: *«Никогда больше не пройдем с Евгением Леонидовичем по улицам нашего города. «Это лучшее, что я читал об истории Брянска за всю свою жизнь», – сообщил взволнованный читатель по телефону после выхода материала «Бухгалтерская дорожка». Он просто мало читал текстов Захарова».*

Евгению было по сердцу ловить ветер истории. Он добывал в прошлом события и имена, чтобы лучше понимать настоящее, сопрягать минувшее и будущее. Он не стал историком в полном значении слова, но он был журналистом. А по тонкому наблюдению одного австрийского писателя, «историк – это нередко журналист, обращенный вспять».

О рыбалке собрано и написано Женей больше всего. Цитаты из произведений К. Паустовского, Э. Хемингуэя, Е. Носова, Ю. Нагибина, В. Солоухина. Десятки описаний поиска пригодных для ужения рыбы заповедных мест Брянщины.

Две книжки, составленных исключительно из впечатлений страстного поклонника любительского рыболовного промысла. Множество фотографий, запечатлевших либо «гигантские» уловы из трех-четырёх голов рыбьей мелочи, либо пейзажи окрестностей и «сижей», как называют рыболовы места, где, забросив удочки, ждут фанаты речной охоты заветных поклёвок.

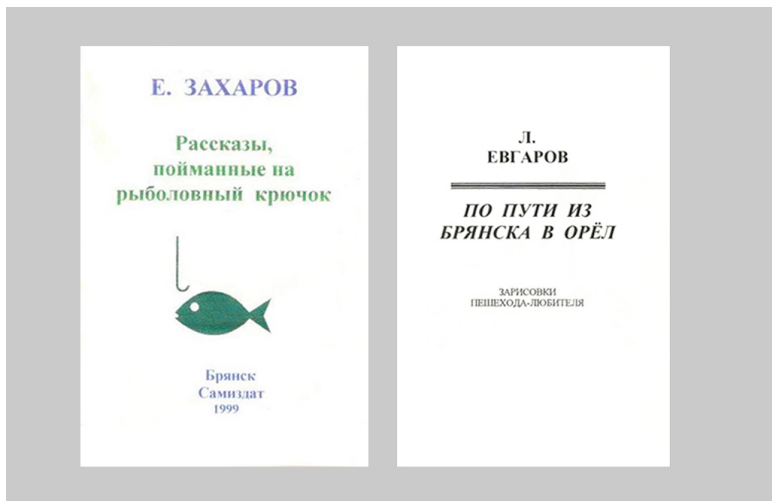
Он вёл дневник рыболова, сформировавшийся в два рукописных тома. В первом – вырезанные из каких-то журналов советы. Например, как угодить карпу. Выписки про окуня, судака, ерша из книги Л. Сабанеева «Жизнь и ловля пресноводных рыб». Памятка о том, как правильно оснастить удочку. Подсказки, где удобней держать живцов, какую приманку предпочтительнее использовать при вялом клёве. Но основное содержание – подробные описания каждого выхода на рыбалку. Часто с собственными рисунками – «портретами» рыб, правда, не пойманных, а просто желанных. Щуки, например.

Второй том – это скрупулезная фиксация процесса каждой рыбалки – от времени пробуждения, способа и средств передвижения до желанного водоёма до упоминания диаметра лески и подробных диалогов с такими же энтузиастами, как сам Женя.

И все же это были записи не только для памяти. Уже ходили по рукам «Рассказы, пойманные на рыболовный крючок»,

и «издатель» Александр Кармазин сделал обложку для второй книжечки. Он же придумал название «По пути из Брянска в Орел. Записки пешехода-любителя», а автором обозначил обретшего к тому времени популярность Л. Евгарова.

Евгений отнесся к затее с интересом, но собирался работать серьезнее и написал на исходе 1999 года:

«Материала на вторую книжку пока не хватает. Надо объединить события двух лет. Избежать прежнего принципа: поездки по рыболовным местам. Сделать рассказы более сюжетными, добавить жизненных коллизий, размышлений, отступлений от основ-

ной темы. Не отчёт о путешествии, а литературная работа. Диапазон чувств автора должен быть шире: от иронии до лирики. Побывать в Теплом, Юрово, Козёлкине, Чернеце, на Полпинском озере, а главное, в Чичково и, может быть, в Кольцовке. Один раз порыбачить с ночёвкой.

Фотографии в книге не уродовать.

Не увеличить ли формат книги? Шрифт явно нужен более крупный.

Сделать книгу глубже, драматичнее. Автор должен нравиться».

В какой-то степени этот принцип Женя попытался воплотить в очередной рукописи «Шампанское и семечки». Предисловие начал так:

«Призыв Гаврилыча (Александра Гавриловича Кармазина. – Е. З.): «Пиши!», вероятно, не возымел бы действия: недосуг было, заедала редакционная текучка. Но, по совпадению, госпожа Журналистика отошла ненадолго в сторону, когда явилась не менее властная дама – Медицина. Я заболел и почувствовал себя настолько же свободным, насколько никчёмным.

Врачиха, женщина ласкового возраста, измерив у меня артериальное давление, округлила глаза и побледнела. Она явно нуждалась в помощи своих коллег. Желая её подбодрить, я пошутил:

– Доктор, мне нужно знать правду, какой бы страш-

ной они ни была. Скажите откровенно: я буду жить?

И, пользуясь замешательством терапевта, сам же ответил:

– А смысл?

Врач окончательно впала в транс. Стало ясно, что моё присутствие действует на неё чересчур сильно. Я направился к двери, и тогда докторша вскочила со стула и участливо, с неизъяснимой теплотой в голосе произнесла:

– Ну зачем же думать о худшем? Не так уж всё и страшно. Я видела результаты анализов. У вас желчь хорошая. Честное слово, отличная желчь.

Осчастливленный этой новостью, я взялся выполнять наказ Кармазина. Каждый день писал по одному рассказу. Хворал 14 дней, поэтому и книга состояла из 14 глав. Насколько мне известно, это первый случай, когда объём сочинения зависел от продолжительности болезни автора».

Е.Л. ЗАХАРОВ

*ШАМПАНСКОЕ
И СЕМЕЧКИ*

Брянск — 2003

В «Шампанском и семечках» есть и лирика, и лукавство, и сарказм. Увлекают и по-своему очаровывают даже названия глав: «Джавдет и серебряные караси», «Мужчина на свободе», «Свидетель для неудачника», «Горящие шишки», «Мертвецы в отпуске». Женя наверняка хотел увидеть и это «собрание пестрых глав» не только как распечатанные на принтере страницы, но и в обложке. Не довелось. Как и не довелось подержать в руках не самиздатовский, а вполне солидный том «Хрестоматии Б-ска», появившейся в 2007 году, когда автора трех опубликованных в ней очерков уже не было на свете...

Не в ставшей анекдотом коробке из-под ксерокса, однако тоже во вполне солидной по объему картонке хранятся сотни слайдов и негативов. Цветных и черно-белых. Традиционных и экспериментальных. Это фотоархив Е. Захарова.

В первые годы эксплуатации камеры Женя пробовал применять разные спецэффекты: съемки против света, контурное освещение, зернистость. Из наших разговоров не уходило слово псевдосоляризация. При этой технике печати изображение, записанное на негативе, полностью или частично меняет тон. Темные области кажутся светлыми и наоборот. Снимки представлялись необыкновенно интригующими. Но долго работать в этой технике Женя не стал. Верх взяла естественность.

Был период доминирования портретов. Фото получились родные, близкие, почти все коллеги и даже... цыганские дети. Женя встретил троицу ребяташек по дороге на одну из рыбалок. Мальчишки и девочка, увидев камеру, попросили сфотографировать их, а Женя пообещал снимки. И специально отправился в повторный вояж, отыскал юных чавел и порадовал, а скорее, удивил их неожиданным подарком.

Запечатлевались улицы Брянска, праздничные посиделки, выезды с друзьями на пикники. Много снимков привёз из поездок в Ленинград, в ГДР и Польшу. А потом наступил черёд природы.

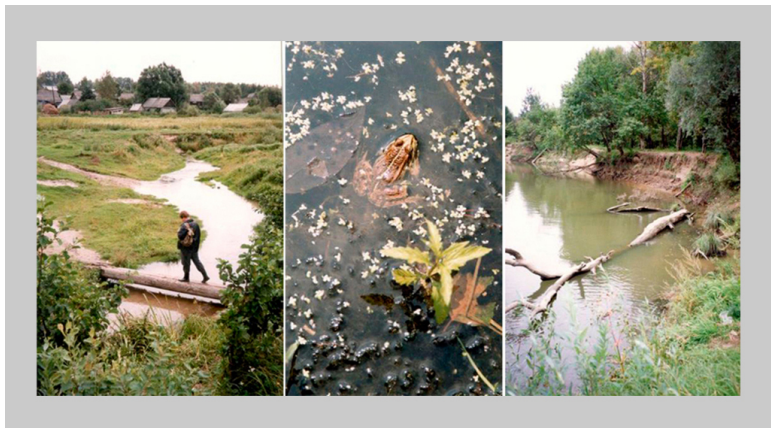
Волшебные уголки родного края, млеющие под солнцем поляны и рощицы, дышащие сыростью водоемы, задержав-

шиеся на деревьях птицы остались на цветных фотографиях. Один из снимков, понравившихся геологу А. Кармазину, попал на обложку информационного обзора «Минеральные воды Брянской области», выпущенного в 2000 году Комитетом природных ресурсов тиражом 700 экземпляров.

Современным молодым людям может показаться странным, что фотохобби описывается как серьёзная работа. Нынче всё просто: достал смартфон, коснулся пальцем экрана – и готово. Совсем недавно было иначе. Приобретались фотокамера, объектив, увеличители, пленки, проявитель, фильтры, лотки, специальные лампы, фотобумага...

Чтобы вышел снимок, приходилось «колдовать» в тёмной комнате минимум 20 минут. А если делать отпечатки с нескольких кадров, то речь нужно вести о часах. Зато момент, когда на плавающей в ванночке с проявителем бумаге появлялось изображение, был, без натяжки, волшебным.

...В коробке с негативами покоится и бобина с несколькими метрами киноплёнки – самый короткий след ещё одного не получившего продолжения увлечения Евгения.

Был недолгий период увлечения филателией. Кажется, третий классер стал последним. До сих пор не знаю, куда делись альбомы с марками. След их потерян.

В городском парке, главной достопримечательностью ко-

торого были скульптуры из отживших свой век деревьев, в тёплую пору года собирались шахматисты-любители. Играли дотемна. Женя уважал этих безразрядных энтузиастов. При возможности присоединялся к ним, редко жертвуя фигуры, но почти всегда лишая себя ужина.

Шахматы пришли в его жизнь рано. В детстве играл с отцом. Это, как вспоминал Женя, называлось матчем на первенство квартиры. А потом разбор шахматных партий стал элементом обязательной программы самосовершенствования.

Шахматную секцию спортклуба «Десна» посещал часто и охотно. При всей своей нелюбви к большим сборищам народа не без удовольствия включался в сеансы одновременной игры с именитыми шахматистами, приезжавшими в Брянск, – гроссмейстерами Р. Ваганяном, Ю. Авербахом.

Разряд кандидата в мастера спорта, три медали, грамоты за участие и победы в некоторых турнирах – итог шахматной страсти. А самое неожиданное свидетельство – составленная из сыгранных партий книжка «Шахматные приключения». Написанная якобы Евгением Гартом и переведённая с адыгейского (!) языка, она, как всё, что он делал, талантлива и необычна. Предисловие со словами **«Поиск шахматной истины – это призвание не только великих, но и неизвестных широкой публике игроков. Шахматы – это огромное море, из которого пьют и слоны, и животные помельче»** Женя написал от имени одного из гросс-

мейстеров СССР.

Каждой из 38 глав предпослан эпиграф, удивляющий тонкостью и самоиронией: «Партия 1, в которой чёрный король становится жертвой беспечности своих подданных», «Партия 9. Иногда обстоятельства заставляют быть храбрым». «Партия 18, в которой коса нашла на камень, но все обошлось благополучно», «Партия 21, ещё раз подтверждающая истину, что вагон сходит с рельс, когда машинист ищет новые пути».

Множество партий было сыграно Евгением по переписке. Сражался на черно-белом поле и с иностранными сопер-

никами – немцем Гюнтером Хофманном из Деггендорфа и французом Жераром Рюником из города Мец.

Французского языка Женя не знал. А ударить лицом в грязь не хотелось. И он взял в руки... «Войну и мир» Л. Толстого. Из глав, занимающих страницы на французском и страницы сносок с переводом, выписывал нужные слова и составлял предложения. Самое забавное, что его эпистолы понимали. От француза приходили не только записи ходов на симпатичных открытках, но и письма. Делился он новостями, присылал снимки жены, дочери, собаки.

Говорят, освоившие даже азы шахматной игры уже не могут остановиться и повинуются притяжению клеток черно-белого поля всю жизнь. Шахматы – игра особенная. Характеризуют её часто как политичную. Она и в самом деле развивает сдержанность, аналитическое мышление, дипломатичность. В характере и поведении Евгения этого было достаточно. Возможно, именно шахматы сформировали его темперамент и привычки.

«Творить жизнь сложно. Это своего рода дар – интеллектуальный, режиссерский, актерский», – записал Евгений когда-то в одном из дневников. Не растерять таланты (именно так, во множественном числе), связать творчество и прозу существования, перековать одарённость в мастерство, довести ремесло до абсолюта – к этому стремился Евгений Захаров всю жизнь. Он, как истинный художник,

наполнял свои будни всеми красками жизни, заставляя при этом душу «трудиться и день, и ночь».

...На февральском снегу стоять было холодно. Хмурое небо переворачивало тяжелые облака. Деревья острыми голыми ветками отталкивали метельные ледяные хлопья. Выпрыгивал из-за каждого поворота злой зябкий ветер.

Но он всё равно ждал. Ждал свою весну, которую привык встречать счастливыми ударами сердца, улыбкой радости. Весна рассыпала капель по скользким тротуарам. Кружила птиц на карусели солнечных зайчиков. Вынимала из невидимого заплечного мешка привычные и желанные дары: свет, голос ледохода, тепло, изумрудный, едва видимый туман первой листвы и обязательно – рыбалку. Волшебство начиналось в апреле. Он ждал апреля.

Резкая нестерпимая боль разрывала сердце. Наплывала тьма, касаясь лица, заглатывая горизонт и размывая очертания предметов, до которых ещё можно было дотянуться слабеющей рукой. Мир падал в безмолвие. Он не мог больше ждать. Весна не пришла. Они не встретились.

Евгений Захаров родился 12 апреля 1953 года. Умер 16 февраля 2004 года.

Благодарю за добрые отзывы и практические советы по публикации книги Нину Квасову.